

RU

Текст мемуаров как выражение языковой личности автора (на примере воспоминаний И. Г. Тинина)

Горбань О. А.

Аннотация. Цель исследования – на основании текста мемуаров И. Г. Тинина «Бытие. Исход. Второзаконие...» охарактеризовать автора как языковую личность. В статье с использованием предложенной Ю. Н. Карауловым модели организации и описания языковой личности рассмотрены речевые средства, раскрывающие структурно-языковой, лингво-когнитивный и прагматический уровни личности И. Г. Тинина. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в качестве материала привлекаются мемуары человека, родившегося и сформировавшегося в среде русской белой эмиграции, в традициях дворянской России, участвовавшего во Второй мировой войне, жившего в послевоенной советской и постсоветской стране, известного в Волгограде и Волгоградской области как деятель культуры, просветитель. В результате исследования установлены владение автором всей стилиевой палитрой русского литературного языка и знакомство с нелитературными формами общенародного языка, владение иностранными языками; обусловленность использования стилистически маркированных форм, иноязычных выражений речевой ситуацией, целями и задачами автора. Отмечены интерес и внимание к языку, употребление его выразительных ресурсов, использование приемов художественной выразительности, языковая игра, разнообразие упоминаемых прецедентных имен, значимых для русской и мировой культуры, свидетельствующие о широком кругозоре автора мемуаров, его системе взглядов, сложной и богатой картине мира. Выявлены важнейшие ценности мемуариста – уважение к человеку, почитание предков, любовь к своему роду и родине; стремление смягчать отрицательные эмоции и оценки тонким юмором; ориентированность на собеседника.

EN

The text of memoirs as an expression of the author's linguistic personality (by the example of I. G. Tinin's memoirs)

Gorban O. A.

Abstract. Based on the memoirs “Genesis. Exodus. Deuteronomy...” by I. G. Tinin, the research aims to characterise the author as a linguistic personality. The paper utilises the model of organisation and description of a linguistic personality proposed by Yu. N. Karaulov to examine the linguistic means that reveal the structural-linguistic, linguo-cognitive and pragmatic levels of I. G. Tinin's personality. The research is novel in that it is the first to use the memoirs of a person who was born and formed in the environment of the Russian white émigré community, in the traditions of noble Russia, participated in World War II, lived in the post-war Soviet and post-Soviet country and was known in Volgograd and the Volgograd region as a cultural figure, educator as the research material. As a result, the researcher finds that the author masters the entire stylistic palette of the Russian literary language, he is familiar with non-literary forms of the common language and has knowledge of foreign languages. The use of stylistically marked forms, foreign expressions is determined by the speech situation, the author's goals and objectives. The study highlights the author's interest in and attention to language, the use of its expressive resources, the utilisation of stylistic devices, word play, a variety of precedent names that are significant for Russian and world culture, which indicates the author's broad outlook, his system of views and a complex and rich worldview. The important values of the memoirist are identified, including respect for people, reverence for ancestors, love for one's family and homeland, the desire to soften negative emotions and evaluations with subtle humour and an orientation towards the interlocutor.

Введение

Актуальность исследования обусловлена вниманием современной лингвистики к проблемам «язык человека» и «человек в языке». В русле антропоцентрического подхода сформировалось понятие языковой личности,

которое в последнее время довольно активно разрабатывается лингвистами в рамках стилистики, психолингвистики, дискурсологии, лингвокультурологии (Никитина, 2014, с. 14-36; Русский язык, 1998, с. 671-672). Под языковой личностью понимается «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» (Караулов, 2006, с. 38), «человек как носитель определенных речевых предпочтений, знаний и умений, установок и поведения» (Матвеева, 2010, с. 552). При этом учитываются словарный запас человека, знание грамматики, понимание значения слов, умение дать им определение, предпочтения в употреблении языковых единиц, готовность размышлять о смысле речевых выражений, творческое отношение к языку, умение вести диалог и выстраивать монолог, знание разнообразных текстов на родном и иных языках, умение работать с текстами, создавать их, система ценностей человека, определяющая его общение с другими людьми в соответствии с ситуацией общения и мн. др. В обобщенном смысле языковая личность – это также «национально-культурный прототип носителя определенного языка, собирательный культурно-исторический образ» (Воробьев, Морозкина, Фаткуллина, 2016, с. 356).

Учеными Саратовской лингвистической школы предлагается типология языковых личностей в зависимости от типа речевой культуры, носителем которой они являются: элитарного, среднелитературного, литературно-разговорного, фамиллярно-разговорного, просторечного, арготического, народно-речевого (Сиротинина, 2013, с. 32-35; Сиротинина, Кузнецова, Дзякович и др., 2001, с. 21-24). Подчеркивается, что это отражение именно культуры человека, а не его речи и означает не только владение ресурсами языка, но и наличие определенных психологических навыков – отношения к собственной и чужой речи, ее качеству, отношения к собеседнику и т. д. (Сиротинина, Кузнецова, Дзякович и др., 2001, с. 224).

Все это свидетельствует об актуальности обращения к языковой стороне текстов, созданных яркими представителями русского народа, с целью получения не только более полного представления об отдельных личностях, но и представления о речевой культуре различных социальных слоев в те или иные исторические периоды, о богатстве русского языка во всем многообразии его функционирования.

Важным видом текстов, на основании которых может быть охарактеризована языковая личность их автора, являются мемуары. Они выступают как источник изучения исторических событий, жизни отдельного человека, его чувств, взглядов, мировосприятия и отражают язык, идиостиль автора.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- выявить основные особенности структурно-языкового уровня языковой личности И. Г. Тинина;
- определить черты лингво-когнитивного уровня языковой личности автора;
- выделить особенности прагматического уровня языковой личности И. Г. Тинина.

Совокупность научных задач обусловила выбор исследовательских методов: описательного – для отбора, классификации и описания материала; стилистического анализа – для определения стилиевой принадлежности лексических единиц. Дефиниционно-компонентный и контекстуальный анализ дал возможность охарактеризовать реализацию, в том числе индивидуально-авторскую, семантики языковых единиц в речи мемуариста. Приемы лингвистической герменевтики, контент-анализа призваны были выяснить мотивы употребления тех или иных языковых средств для выражения авторских интенций, установить предметно-понятийные поля, значимость для автора излагаемых фактов, упоминаемых явлений, понятий и их место в ценностной картине мира. Процедуры концептологического анализа позволили дать описание концепта РОД. Элементы дискурс-анализа использовались для выявления специфики коммуникативного поведения автора мемуаров, его установок в аспекте взаимодействия с адресатом текста.

Материалом послужил текст мемуаров: Тинин И. Г. Бытие. Исход. Второзаконие (история глазами очевидца). Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001 (далее при цитировании источника указываются только страницы).

При анализе языковых фактов использовались следующие лексикографические издания: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993; Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1-4; Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1.

Теоретическую базу составляют работы в области стилистики русского языка и культуры речи (Сиротинина, 2013; Стилистический энциклопедический словарь..., 2006; Сиротинина, Кузнецова, Дзякович и др., 2001), коммуникативистики и дискурсологии (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Викторова, 2016; Сиротинина, 2008), лингвокультурологии и лингвоперсонологии (Верещагин, Костомаров, 2005; Воробьев, Морозкина, Фаткуллина, 2016; Карасик, 2007; 2011; Караулов, 2006; Колесов, 2019; Седов, 2007; Цивьян, 2006).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах стилистики русского языка, культуры речи, спецкурсах по лингвистике текста, лингвокультурологии, при обучении русскому языку как иностранному, в том числе в лингвострановедческом аспекте.

Обсуждение и результаты

И. Г. Тинин. Модель описания языковой личности мемуариста

Иван Григорьевич Тинин (1923-2007) родился в болгарском г. Дренове в семье русских эмигрантов «первой волны» Г. И. Никулина-Тинина и А. А. Лавровой, хранивших и воспитывавших в детях любовь к русской истории, культуре, языку. Окончил русскую классическую гимназию в г. Софии, Софийский университет

им. св. Климента Охридского; участвовал во Второй мировой войне, будучи солдатом Болгарской народной армии в составе 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф. И. Толбухина; за боевые заслуги был награжден болгарским орденом с короной, мечом и кольцом; носил звание участника Отечественной войны 1944-1945 гг., Великой Отечественной войны. В 1955 г. вместе с матерью, мечтавшей о возвращении на родину, и со своей семьей Иван Григорьевич приехал в Советский Союз, в г. Дубовку Волгоградской (тогда – Сталинградской) области. И. Г. Тинин известен в г. Волгограде как преподаватель нескольких вузов, деятель культуры, человек, который своей просветительской работой много сделал для возрождения Русской православной церкви и православной духовной жизни в Нижнем Поволжье. Различные грани личности этого яркого, одаренного человека освещены в ряде публикаций (Знаменитые люди..., 2008, с. 66; Кто есть кто..., 2007, с. 169; Тинина, 2008, с. 164-173; 2016; «Я век себе...», 2022). В своих мемуарах И. Г. Тинин раскрывается и как личность языковая.

В моделировании языковой личности мы опираемся на концепцию, разработанную Ю. Н. Карауловым. Ученым предложена трехуровневая модель организации и описания языковой личности, включающая следующие уровни: 1) структурно-языковой, отражающий степень владения обыденным языком; представлен разноуровневыми единицами в их значениях и отношениях между собой, стандартными словосочетаниями, простыми, типовыми формулами; 2) лингво-когнитивный, отражающий языковую модель мира личности; представлен понятиями, идеями, концептами, выражающимися в обобщающих высказываниях, крылатых выражениях, фразеологизмах, метафорах, каламбурах и т. д.; 3) прагматический, или мотивационный, включающий мотивы и цели, движущие развитием личности, ее поведением, общением, созданием текстов и определяющие ее систему ценностей; выражается в оценках, рефлексии, прецедентных текстах, способах аргументации, «сценариях» поведения и др. (Караулов, 2006, с. 37, 52-55, 57; Русский язык, 1998, с. 672). В этой модели «языковая личность дана... сразу вся, целиком, одновременно и одномоментно» (Караулов, 2006, с. 63), между уровнями не существует непроходимых границ, они взаимосвязаны и взаимообусловлены, в одних и тех же языковых и речевых средствах могут реализоваться одновременно элементы разных уровней.

Структурно-языковой уровень языковой личности И. Г. Тинина

Речевая культура И. Г. Тинина определялась в первую очередь его образованием и профессией: кроме классической гимназии он окончил два высших учебных заведения – Софийский университет и Московский государственный институт культуры, затем преподавал в различных высших учебных заведениях.

Характеризуя данный уровень языковой личности, остановимся на лексике, ее функционально-стилистическом аспекте. Главное, что необходимо отметить, – это широкий стилистический диапазон речи автора, включая нелитературные формы. При безусловном преобладании стилистически нейтральной, общеупотребительной лексики, в тексте встречаются книжные, разговорные единицы, специальные термины, слова и выражения из церковной сферы, просторечные слова, диалектизмы и жаргонизмы.

Книжная лексика в тексте немногочисленна. Ее использование может быть обусловлено темой разговора. Например, в контексте рассуждений о важности для человека знания своего рода, своих корней и о генеалогии слова *пращур*, *генеалогический* подчеркивают значимость содержания, а словосочетание *генеалогическое древо* носит также терминологический характер. Вполне естественно для И. Г. Тинина, имевшего юридическое образование, употребление слов *коллизия*, в том числе в составе правового термина *юридическая коллизия*; *упразднить* (упразднение «железной системы» в движении поездов предполагало правовое решение).

Книжные слова автор может использовать как средство стилизации в повествовании о годах своей юности, например при описании классного наставника в гимназии, носившего массивный, *витиеватый* нагрудный знак.

Однако часто в контексте книжная лексика утрачивает высокую окраску, будучи употребленной в обычных, бытовых ситуациях («*наше восхождение к хутору*»). Стилистически контрастное лексическое окружение не только нейтрализует «книжность» слов, но и переводит повествование в ироничную эмоциональную плоскость, особенно когда автор говорит о себе, например: «Наконец я нашел фотографа и принес фотографии в паспортный стол, где мой *образ* был запечатлен с двумя ушами» (с. 297).

Устаревшая лексика представлена в основном историзмами, которые передают реалии ушедшей эпохи: *кучер*, *лакей*, *челядь*, *баре* (мн. ч. от *барин*); *эсеры*, *кадеты*; *фельдфебель*, *каптенармус*, *гусар*, *подпоручик* и др. Собственно архаизмы встречаются редко; это такие единицы, как *пращур*, *храмина*, *дама*, *мадам*, *классный наставник*, *изволил закончить*, *удостоен чести*.

Специальная лексика. Из слов, употребление которых ограничено специальной сферой, отметим церковную лексику и некоторые термины.

И. Г. Тинин воспитывался в православной семье, и упоминание православных праздников, элементов церковной жизни и др. (*сочельник*, *пасхальная заутреня*, *сорокоуст*) является естественным в воспоминаниях воцерковленного человека. Кроме того, еще в Болгарии он прислуживал в храме архиепископу Серафиму (Соболеву), поэтому хорошо владел и специальной церковной терминологией (это наименования церковных чинов – *иподьякон*, *архидьякон*, *архиепископ*, *протопресвитер*, церковной утвари – *дискос*, частей храма – *крипта* и др.). Встречаются в тексте отдельные музыкальные (*контроктава*), театральные (*примадонна*), литературные (*гиперболический*, *гекзаметр*), юридические (*юридическая коллизия*, *юридический казус*), технические (*магнето*) и другие термины.

В целом специальной лексикой, которая может быть не известна читателю, автор воспоминаний не злоупотребляет, а иногда объясняет значение слова: «Он обычно держал в руках *дискос* (блюдо по-гречески)» (с. 51); «После каждой литургии в алтаре его *разоблачали* (так по-церковному означает «раздевали»)» (с. 51).

Разговорная лексика. Разговорные слова и словосочетания используются чаще всего для наименования людей, их действий и качеств, причем, как правило, отрицательных. Они могут прямо называть негативные явления (*пошлак, разгильдяй, врать, халтурить, петушиться*) или иметь соответствующую эмоционально-оценочную окраску – ироничную (*вояка*), шутливую (*фон-барон*), пренебрежительную (*размазня*), неодобрительную (*отсебятина, орать, разбазарить*) (Ожегов, Шведова, 1993; Словарь русского языка, 1981-1984).

Интересно сравнить употребление стилистически маркированных и нейтральных синонимов. Так, в рассказе о своем пребывании в Вене И. Г. Тинин наряду с обычным *австриец* один раз использовал устаревшее *австрияк*, которое в русском языке могло употребляться «с оттенком некоторого презрения» (Толковый словарь..., 1935, стб. 8). Это эмоционально оправдано: во-первых, автор говорит о «неприятном чувстве на сердце» после инцидента в одном из венских ресторанов; во-вторых, встретившиеся в этот момент подметавшие улицу два «австрияка» имели на спинках пиджаков нашитые белые круги со свастикой: «Так австрийцы наказывали бывших нацистов, заставляя их работать физически» (с. 154).

Слова могут иметь положительную семантику: *ребята* = «молодые люди, парни», *родимая*; быть нейтральными с точки зрения оценки: *кавээнщик, под хмельком, шарить, лопотать* и др.

Разговорная лексика используется при описании не только людей, но и предметов, явлений: *байка, цигарка, махалка, манатки, визитка, с лихвой, вызвать на ковер*; негативные оценочные наименования: *чёрт-те что, драный, липовый, колымага* и др. Встречаются также разговорные вводные и служебные слова: *стало быть* = «значит, следовательно», *раз* = «если».

Для передачи эмоционального отношения к предмету речи И. Г. Тинин использует производные слова с уменьшительно-ласкательными (иногда уменьшительно-уничтожительными) суффиксами (*солдатик, шалашик, оркестрик, мужичок, воршика, бабулька, мордочка, матушка, полненький, средненький* и мн. др.). Эти слова передают почтительное, ласковое, трогательное, иногда жалостливое отношение автора к людям, предметам, стремление смягчить негативный признак.

Просторечная лексика. В подавляющем большинстве случаев просторечные слова используются при характеристике человека, его качеств и действий, часто негативных, могут иметь дополнительную эмоционально-оценочную окраску, например: *брехун, выпивоха, морда* (о лице человека), *сбрехать, спереть, напаялить, переться* и др. Глаголы, не выражающие оценку, могут обозначать интенсивность действий: *вкатить (оплеуху), врезать* = «ударить», *наяривать* и под.

Просторечная лексика используется также при описании предметов, событий, явлений, выражая при этом оценку с возможной дополнительной эмоциональной окраской или интенсивность действия, признака: *похабщина, брехня, баракло, здорово* = «хорошо», *хохма, заварушка, мордобой* и др.

В целом просторечные слова за счет сниженности, ориентации на народную речь придают языку мемуаров особую экспрессию.

Жаргонизмы и диалектизмы представлены единичными примерами: пришедшие из лагерного жаргона *зек* = «заключенный» и *жмурик* «покойник»; диалектные *молодуха* и *мурзила*.

Сниженная лексика в целом имеет в тексте небольшой удельный вес, а ее использование обусловлено и оправдано предметом речи, авторским отношением к нему.

Иноязычная лексика. Здесь мы коснемся не заимствований, вошедших в словарь русского языка, а слов и выражений на иностранных языках. И. Г. Тинин, окончивший классическую гимназию, знал 7 входивших в программу обучения языков: русский, древнегреческий, латинский, церковнославянский, французский, немецкий, болгарский; был также знаком в той или иной степени с другими языками – сербским, венгерским, турецким, украинским. Как пишет автор в легкой шутиливой манере, «в армии если ты переводчик, то должен переводить со всех языков. Я и переводил с сербского, румынского, а вот теперь предстояло переводить с венгерского» (с. 157). Все это говорит об открытости другим языкам и культурам, понимании их через сопоставление между собой. Это могло также обуславливаться тем, что Иван Григорьевич вырос в одной из балканских стран, а Балканы – место тесного взаимодействия разных этносов, культур и языков, и «балканец – это тот, кто говорит на разных языках» (Цивьян, 2006, с. 98). В мемуарах встречаются слова и выражения почти из всех названных языков, но чаще всего – из болгарского: передается живая речь болгар, цитируются произведения фольклора, надписи, лозунги, называются учреждения, печатные издания, жилые объекты люди, предметы быта, одежды, блюда национальной кухни и др. («*Сурва, сурва година*», «*Хоремаг*», «*Днес*», *бакар, кмет, дамаджана, кюнцы, царвул, ядево, луканка, петмез* и др.). Все это раскрывает окружавшую И. Г. Тинина реальность болгарского периода его жизни, дух русской классической гимназии, украшает авторскую речь. Иноязычные слова обязательно переводятся на русский язык или поясняются автором и пишутся, как правило, кириллицей.

Лингво-когнитивный уровень языковой личности И. Г. Тинина

Тезаурус И. Г. Тинина образуется разнообразными единицами.

Среди **устойчивых выражений** отмечены фразеологизмы (*не лыком шит, белая ворона, напиться в стельку, отлегло от души, ломать голову, ломать комедию, писать левой ногой, белое пятно, злчные места, номер не проходил, канули в Лету* и др.); немногочисленные пословицы (*у страха глаза велики, голод не тетка*); идеологические штампы, употребляющиеся при передаче чужой речи или как скрытое цитирование (*происки империалистов, чуждый элемент, страна победившего социализма* и под.).

Автор использует разнообразные **приемы языковой выразительности**: эпитеты («*необъятный, безграничный простор*»), сравнения («*дороги, змейкой извивавшиеся по склонам гор*»), метафоры («*дорога... ныряла в туннели*»; «*мы, битые словом, понуро уходили с площади*»), олицетворения («*Городок стоял пыльный,*

сонный»), гиперболы («рёву было две телеги»). Они иногда сочетаются в целых фрагментах текста, например в строках о русской борзой, встретившейся мемуаристу в одном из колхозов: *белая* (собака, шерсть), *длинные* (голова, ноги, уши), *завивавшаяся внизу кудряшками* (шерсть), *поджарое* (тело), *прекрасная, изящная, милая, безпризорная, грустные, умнейшие, умные* (глаза), *будто она вспоминала, последнее напоминание, одна из жертв разгрома* – все это создает образ собаки красивой, уникальной, выведенной в России породы, перерастающий в символ ушедшей русской дворянско-помещичьей культуры, а вместе с ней и целой эпохи в истории страны.

Свойственна автору мемуаров **рефлексия над языком**. Он объясняет иноязычные слова, соотнося их с русскими; при совпадении слов из разных языков отмечает, если есть, различия в их произношении, например разное ударение в русском и болгарском слове *вино* (с. 31); поясняет слова, ушедшие из русского языка (например, *каптенармус* – «кладовщик роты»); рассказывает о правилах употребления буквы «ять» (с. 35-36), отмечает наличие этой буквы в старом болгарском алфавите и комментирует варианты ее произношения на востоке и западе Болгарии (с. 31-32); размышляет о происхождении слов (*Мурзилка*, *Балка Ричарда* (с. 234, 286)). Рассуждает автор об этих языковых явлениях квалифицированно, используя лингвистические термины *глагол*, *повелительное наклонение*, *однокоренные слова*. Практическое знание языков у И. Г. Тинина сочеталось с его общепилологической образованностью.

Свободное владение языком, основанное на понимании его внутренней структуры, творческое отношение к нему проявляются в **языковой игре**, имеющей эстетический, стилистический, а также комический эффект.

И. Г. Тинин часто приводит примеры шуток из речи других людей, слова или выражения без авторства, ставшие принадлежностью фольклора (*перцогиня* – перцовка, *хор Пятницкого* – килька в банке и др.), и сам использует различные приемы языковой игры: фонетическое сближение слов («мог... *петь* и даже *пить*» (с. 15)), обыгрывание многозначных слов, нарушение семантической сочетаемости («Но всенародной скорби... не произошло» (с. 199); «договоренность относительно расписания войны» (с. 143)), стилистический контраст («горланили арии» (с. 158)), словообразовательные окказионализмы (*отечественнофронтной*, *кавээнск*) и др.

Текст мемуаров изобилует именами собственными, за которыми стоят исторические реалии – местности, объекты, отдельные лица и т. д. Среди них отмечаются **прецедентные имена**. Это многочисленные географические наименования, открывающие широкие границы охватываемого повествованием пространства – не только Европы и Азии, но и других континентов обоих полушарий; в ряде случаев И. Г. Тинин употребляет их именно как прецедентные имена, например: «В юности немцы обещали нам устроить здесь второй Сталинград» (с. 143), здесь имя *Сталинград* выступает как символ жестоких боев и разрушений. Это также личные имена деятелей древней и современной истории, культуры России, мировой истории, культуры, библейских персонажей, святых, персонажей и других вымышленных образов произведений фольклора, литературы, искусства. Особую группу образуют имена Бога (в христианстве – *Христос Спаситель*, *Сын Божий*, в исламе – *Аллах*). К прецедентным относятся также названия социальных объектов, явлений культуры, артефактов, периодических печатных изданий, праздников, игр, видов спорта, обрядов, автомобилей и мн. др.

Прецедентные имена включают повествование в широкий исторический и культурный контекст, наполняют его конкретикой, через ассоциативно связанные с ними образы, качества дают характеристику людям, выражают ту или иную их оценку, создают экспрессивность текста. Например: «Нас сперва стыдили, потом увещевали, нам угрожали, но мы стояли, как *Джордано Бруно*, *Ян Гус*, *Джироламо Савонарола* и *Жанна д'Арк* перед инквизиторами» (с. 55).

В языковой картине мира И. Г. Тинина в качестве одного из важнейших можно выделить **концепт РОД**, который относится к древнейшим концептам русской национальной культуры. Его содержание в древнерусском языке описано В. В. Колесовым (2014, с. 22-39). Выделенные ученым основные смыслы так или иначе проявляются в мемуарах И. Г. Тинина. Концепт содержит понятийный, образный и ценностный компоненты (Карасик, 2007, с. 300).

Понятийное ядро концепта репрезентируется существительным *род*, которое повторяется неоднократно, а также частичным синонимом *династия*, помещенным в заголовок мемуаров. Род и принадлежащие ему именуется словами, которые можно считать ключевыми: *предки*, *пращурь*, *потомки*, *представители своего рода*, *родственники*, *родня*; терминами родства: *деды* и *прадеды*, *прадед*, *дедушка*, *бабушка*, *мать*, *отец* (варианты *мама*, *папа*, *матушка*), *сын*, *дочь* (и *дочка*, *дочурка*), *сестра*, *брат*, *дядя* (и *дядька*). Они могут иметь при себе уточнение степени родства, принадлежности – *родной*, *мой*, *свой*, *наш*. Наличие родственных связей и характер этих связей выражаются именами *родство*, *мужская линия*. Определяется также социальный статус как признак принадлежности к роду: *потомственный* (*дворянин*).

Появление на свет и связь с родом передаются словами *родиться*, *рождение*, *происходить* (*от*), *происхождение*, *пойти* (*от*), которые часто сопровождаются притяжательными местоимениями, определением социальной принадлежности рода или личными именами (*дворянское происхождение*, *пошли от князей Смоленских*).

Сюда также относятся существительные, которые называют тип личного имени: *фамилия* и *отчество*. Понятия семьи как части рода, а также членов семьи, их места и роли в ней репрезентируются словами: *семья*, *глава семейства*, *родители*, *дети*, *второй ребенок в семье*. К ним присоединяются наименования действий, знаменующих создание семьи, соединение родов, породнение: *жениться*, *бракосочетание*.

С родом связана земля, на которой жил и живет род, – *родина*; место, находящееся во владении его представителей, где они обитают: *вотчина*, *родовое поместье*. Родина для И. Г. Тинина – земля, где родились его предки, а не он сам: *родина своих отцов*. Все, кто живет на родине, – *народ*, *соотечественники*, связь с которыми Иван Григорьевич подчеркивает словом *наши*. Народ силен своим единством, своей традицией, *народной памятью*, которую не истребить (с. 199).

Особую группу образуют слова и словосочетания, относящиеся к специальной отрасли знаний, занимающейся историей родов, – генеалогии, которую И. Г. Тинин преподавал студентам университета: *генеалогия, родословная, таблица рода, родовая таблица, древо предков, генеалогическое древо, ветви генеалогии*.

Понятие рода дополняется образной составляющей, которая репрезентирована метафорическими выражениями, фразеологизмами, прецедентными именами, отражающими представления о древности рода: «глубоко в историю уходит род», «до десятого колена», «дал имя роду», «Иван, не помнящий родства» и др. Зрительный образ вызывает сочетание *дворянский герб* (он подкрепляется изображением родового герба на обложке книги И. Г. Тинина).

Знание своего рода, предков, почтительное уважение к ним являются непреходящей ценностью для И. Г. Тинина, как и для всего русского народа. В мемуарах прослеживается и особое отношение к родине. Он «тосковал по родине» (с. 14), как и многие эмигранты, для которых «потеря России» (с. 34) была трагедией. Автор пишет, что испытывали русские люди, когда им была дана возможность вернуться на родину: это было «обретение родины» (с. 172), счастье от того, что «родина примет... к себе в ближайшее время» (с. 177).

Личностное, индивидуальное наполнение концепта проявляется прежде всего в родовом имени И. Г. Тинина: *Микулины – Никулины – Тинины*; личных именах представителей его рода и семьи – далеких предков, дедов, родителей, супруги, детей и других родственников. Индивидуальным является и понимание родины как места, где родились предки, но не сам автор.

Прагматический уровень языковой личности И. Г. Тинина

Этот уровень представлен прецедентными высказываниями, текстами, знание которых является показателем принадлежности данной языковой личности к определенной эпохе и культуре (Караулов, 2006, с. 216), а их упоминание апеллирует «к “культурной памяти” читателя» (Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 107); речевыми средствами, отражающими коммуникативные потребности личности

Прецедентные высказывания, тексты. Среди прецедентных высказываний, восходящих к историческим событиям, ситуациям, традициям, можно отметить такие, как, например: лозунг КВН «Наше слово веско. Дубовка будет Кавээнском!» (с. 279); надпись на памятнике Александру II в Софии «Царю освободителю признательна България» (с. 201); известная как парадокс всемогущества фраза «может ли Бог создать камень, который не смог бы сам поднять» (с. 53); заключительное слово молитв, проповедей «Аминь!», завершающее рассказ о возрождении в России и в Волгоградской области Русской православной церкви и саму книгу. За некоторыми прецедентными высказываниями стоят прецедентные тексты: «...все смешалось в нашем клубе» (с. 198), ср. «Все смешалось в доме Облонских» из романа Л. Толстого «Анна Каренина»; «...в период моего детства, отрочества и юности» (с. 5) – реминисценция с трилогией Л. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»; «Откуда есть пошла Тинины» (с. 10) восходит к заголовку древнерусской «Повести временных лет»; «Чудеса Твои, Господи» (с. 104) – слова из псалма 88 (стих 6); «Не нам, не нам, а имени твоему» (с. 166) – надпись на обелиске русским воинам в Софии, цитата из псалма 113 (стих 9); и др.

Среди прецедентных текстов находятся произведения русской и зарубежной художественной литературы, научной, публицистической прозы, фольклора, документы, песни, Священное Писание и другие религиозные тексты, оперы, оперетты, кино- и мультипликационные фильмы. Прецедентные тексты вводятся по-разному. Это может быть просто название имени писателя, наименование произведения, упоминание имени персонажа или других вымышленных имен собственных, цитирование произведений, в том числе на языке оригинала, близкий к тексту пересказ, полное воспроизведение небольших текстов, например анекдотов. Часто мемуарист подробно рассказывает содержание произведений, книг, фильмов (с. 42–48), которые, как он знал, неизвестны или мало известны российскому читателю, но в свое время произвели на него впечатление, а главное – знакомят читателя с той культурной средой, в которой жили русские эмигранты. Иногда И. Г. Тинин отмечает в произведении интересные детали, анализирует, сопоставляет с другими произведениями, формулирует свои оригинальные суждения: о произведении А. Хвольсон «Приключения Мурзилки» и других произведениях советской детской литературы (с. 105, 233–234); об иконах с клеймами, или «с житием», как своеобразных текстах (с. 352–353) и др.

Названия прецедентных текстов и прецедентные высказывания И. Г. Тинин использовал в заглавиях самой книги и ее частей: «Бытие», «Исход», «Второзаконие» (смысл заголовков из Пятикнижия Моисея автор объясняет в предисловии); «...глазами очевидца», «...иже с ними», «Откуда есть пошла Тинины», «Не нужен нам берег турецкий», «Хороша страна Болгария», «Господи, Боже мой, буди мне, грешному!» и др. Возможно, этим И. Г. Тинин хотел показать, что в целом его жизненный путь известен, включен в жизнь русской эмиграции, русского народа, человечества вообще, хотя содержание этих глав у него, как и у каждого человека, свое.

Приводятся и фрагменты произведений, часто шуточных, самого мемуариста – поэмы «Тарзаниада», гимна Дубовского КВН, песни о Дубовке, стихотворных посвящений, дружеских посланий и др. (с. 277, 309, 332).

Мемуары ярко представляют **особенности коммуникации, речевого поведения** автора – как он выстраивает повествование, каковы манера изложения фактов, отношение к этим фактам, их оценка, взаимодействие с читателем и т. д. Остановимся здесь на основных языковых средствах, которые эксплицируют особенности авторского дискурса, – дискурсивных словах, или дискурсивах. Это так называемые модальные частицы, слова и фразеологизмы (Виноградов, 1986, с. 599–608), наречия, союзы, словосочетания, предложения, которые выполняют разнообразие функции: участвуют в когезии текста, указывают на степень достоверности сказанного, возможности названного факта, на логическую вероятность, степень точности, отношение адресанта к сказанному, отношение к самому факту и т. д. (Сиротинина, 2008, с. 342). Опираясь на классификацию Е. Ю. Викторовой (2016, с. 14–15), выделим две группы дискурсивов – текстообразующие и субъективно-модальные; обе они широко представлены в воспоминаниях И. Г. Тинина.

Текстообразующие дискурсивы выражают связь между фрагментами текста. Они указывают на следующие основные «вехи» в развертывании повествования: начало темы (*в начале повествования; а началось так*), переход к другой теме (*теперь насчет...; Ну хватит о грустном*), отступление от темы (*отвлекусь; здесь я прерву; хочу сделать отступление*), возвращение к теме (*так вот; вернемся; продолжим разговор*), завершение темы и вывод (*завершая тему, должен...*), очередность и последовательность в дискурсе (*во-первых; во-вторых; в-третьих; об этом позже; забегу вперед; заранее скажу*), внутренние ссылки (*как я уже говорил*), внешние ссылки (*цитирую; как говорится; мол; якобы*). Текстовые дискурсивы выражают также различные логические отношения, связи между рядом стоящими высказываниями, их частями: причины и следствия, обобщения, вывода (*так что; значит; стало быть*), противопоставления (*но; правда...; как бы то ни было*), добавления информации (*причем; кстати; между прочим*), приведения примера (*я упомянул; расскажу один случай*).

Субъективно-модальные дискурсивы реализуют личностное, индивидуальное начало и взаимодействие автора и читателя. Они выражают следующие значения: знания автора, понимание тех или иных явлений (*не знаю; ума не приложу; насколько мне известно*), ментальные и речевые действия автора (*вспоминаю; помню; отвечаю; объясняю; цитирую; не советую; поговорим; скажу я вам; надо заметить; должен вас предупредить*), степень достоверности, уверенности (*видимо; кажется; пожалуй; вероятно; может; могу предположить; то ли... то ли...; конечно (же)*), неизбежность происшедшего, вынужденность действий (*что было делать; делать было нечего*), оценки фактов (*что любопытно; как ни странно*), оценки своей речи с точки зрения содержания, стиля, способа выражения (*вопрос был риторический; честно скажу; могу похвастать; как бы мы сказали; попросту говоря*), эмоциональное отношение к тому, о чем сообщается (*к счастью; ура!; слава Богу!; Вот это да!; хорошо, что; жаль; вот чудо; наконец-то; к чести болгар*), разъяснение (*дело в том, что; я имею в виду*), обращение к ментальности адресата (*как видите; как вы помните; как вы понимаете*), ответ, возражение на предполагаемую реплику адресата (*да нет, мой дорогой друг; вы спросите... отвечаю*), этикетные речевые действия (*стало перед вами как-то неудобно; простите*) и мн. др.

Повествованию присуща ярко выраженная диалогичность, внешняя и внутренняя. Это достигается, помимо использования дискурсивов, такими способами, как непосредственное обращение к читателю, часто с проявлением эмоционального отношения к нему (*мой читатель; вам, дорогой читатель*), призыв к действию, мягкое воздействие на адресата (*не забывайте прошлого; не советую*); вопросы, обращенные автором к самому себе (*почему же...?; что объединяло...?*) и др.

Значительная часть дискурсивов свойственна устной речи, в том числе устной научной речи, и их использование в мемуарах можно объяснить профессиональными преподавательскими, лекторскими навыками И. Г. Тинина. В целом авторский дискурс характеризуется непринужденностью, свободой, готовностью к общению, ориентированностью на адресата и сотрудничество с ним, стремлением передать ему свои знания, мысли, чувства, приобщить к системе ценностей своих предков, народа.

Система ценностей языковой личности проявляется в **оценках**, которые она дает явлениям, предметам, лицам, поступкам и др. И. Г. Тинин не избегает таких оценок в своем повествовании. Чаще всего выражается отношение автора мемуаров к людям, с которыми его сводила жизнь, и отношение преобладает положительное: *милый, добрый, прекрасный, порядочный, сердечный, интересный, умный, выдающийся, блестящий, светлый, молодец* и др. Некоторые лица удостоиваются негативных оценок автора за их профессиональные качества и принципы работы (*горе-хозяин, горе-журналист, бюрократы*), способности, черты характера, вредные привычки (*бездарность, самодур, ужасный скряга*).

Встречаются оценки речей, высказываний, текстов, своих и чужих решений, действий как верных или неверных, исторических событий, политики и т. д.: *остроумное сравнение пещеры с репой; враньё; чушь; пустое и опасное занятие; авантюра; хорошо, что...; неповторимая история; драматические события; революция-неразбериха; страшные дни* и др. Окружающий мир, природа, селения и жилища запоминались автору своей красотой и уютом: *изумительный ландшафт, красивое явление, тихая речушка, прекрасный городок, аккуратненький дом* и др.

И. Г. Тинин не уходит также от самооценки, которая заключается в характеристике своего незнания каких-то вещей, неумения, приводивших к недоразумениям и порой неудачам: «...мне, несведущему в сельском хозяйстве» (с. 285), «...я никогда не был рыбаком и не знал», «...это не для меня» (с. 303).

Ценностная картина мира проявляется также в **рефлексии** по поводу значимых для автора предметов, лиц, событий и т. д. Мемуарист прямо говорит о том, что для него дорого, незабываемо, что на него особенно повлияло, сформировало жизненные принципы или вызвало непонимание, размышляет о причинах и своем восприятии каких-то явлений, событий. Предметом рефлексии становятся война, «возмутительное» отношение к памятникам, судьбы детей эмигрантов, отношение к природе, народная память, некоторые традиции и др. Особые темы – Россия и Русская православная церковь. Эмоционально насыщенными являются слова о чувстве Родины, о ностальгии по России и счастье ее приобретения после получения вида на жительство (с. 175-177), о том, что всех русских эмигрантов «объединяли прежде всего Русская Православная Церковь и язык с богатейшей культурой» (с. 31).

Рассказы имеют и просветительскую направленность.

Юмор, ирония, иные виды комического занимают значительное место в тексте мемуаров и играют важную роль для понимания системы ценностей автора, поскольку ценности раскрываются не только через норму, но и через отступление от нее.

И. Г. Тинин достаточно часто пишет о событиях, ситуациях, которые воспринимаются как смешные. Это гимназические проделки его самого и его товарищей (с. 53-65); студенческая игра в Союз Парагвайцев и издание пародийной газеты «Парагвайские вести» (с. 65-69); «героические поступки по глупости», запомнившиеся

с войны (с. 124-125); многочисленные курьезы, связанные с работой в Дубовском Доме культуры (с. 272) и мн. др. Автор вспоминает также занятные истории, известные ему от других людей. Это рассказы отца, ставшие семейным преданием, о поваре с фамилией Сиромах, о купании пьяных солдат в бассейне с крокодилами (с. 24-26) и др.

Многие фрагменты повествования имеют ироническую окраску. Это случаи, когда И. Г. Тинин избегает прямых негативных оценок, но описываемые факты, явления вызывают у него неприятие или огорчение своим несоответствием представлениям о хорошем. Не чужда мемуаристу и самоирония: «Самым большим знатоком Библии» (с. 354) назвал он себя, объясняя свое чтение публичных лекций по Священному Писанию.

Некоторые описываемые ситуации, события, явления воспринимаются как абсурдные, например донос на И. Тинина, родившегося после Гражданской войны, что он был белым генералом (с. 170); требование взглянуть на фотографии в паспорте обязательно «с двумя ушами» и «совершенно не улыбающимся», а также назвать причину выезда за границу человека, родившегося там (с. 297). Особое место в повествовании занимают многочисленные примеры из жизни в советской стране, отражающие особенности ее экономики и не понятные людям, приехавшим из-за границы. Они вызвали недоумение, но И. Г. Тинин не высказывает резких оценочных суждений, не проявляет враждебности по отношению к стране и, главное, людям.

Заключение

Анализ показал, что мемуары дают ценный материал для лингвистических исследований, в частности для понимания автора воспоминаний как языковой личности. В этом плане результаты позволяют определить Ивана Григорьевича Тинина как элитарную языковую личность. Его характеризуют знание не только русского литературного языка в его стилевом многообразии, но и других языков – классических и современных (славянских, европейских), богатый словарный запас.

Гуманитарное образование, полученное в русской классической гимназии, европейском университете и одном из ведущих советских вузов, общая образованность, начитанность, знание культурно значимых прецедентных текстов и артефактов национальной и мировой культуры, интерес к языку, семантике и происхождению слов, межъязыковым связям, умение создавать тексты разных жанров и стилей, языковое творчество и языковая игра раскрывают широкую картину мира автора мемуаров, богатую яркими образами, разнообразными ассоциациями, содержащую важнейшие национально-культурные концепты в их индивидуальном преломлении.

И. Г. Тинин, родившийся в семье русских эмигрантов «первой волны», раскрывается как личность, сформированная в системе ценностей традиционной русской дворянской культуры, важнейшими из которых являются честь, дружба, уважение к человеку, почитание предков, любовь к своему роду и родине. С этих позиций он смотрит на многие жизненные явления, избегая при этом враждебности, смягчая возможные отрицательные эмоции и оценки свойственным ему тонким юмором. В общении он ориентирован на собеседника, не только сообщает ему о событиях, людях, собственных размышлениях, но и разъясняет слова, факты, старается сделать повествование понятным, увлекательным, проявляясь в этом как педагог и истинный просветитель.

В качестве перспектив исследования можно назвать изучение мемуарных произведений других авторов с целью сопоставить особенности реализации русской языковой и речевой культуры в текстах представителей различных социальных групп, разных исторических периодов.

Источники | References

1. Баранов А. Н., Плулган В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005.
3. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2016.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.
5. Воробьев В. В., Морозкина Е. А., Фаткуллина Ф. Г. Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2.
6. Знаменитые люди Поволжья: сборник. Волгоград: Кислер Компани, 2008.
7. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62).
8. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006.
10. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
11. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019.
12. Кто есть кто в Волгограде и Волгоградской области: справочно-информационный альбом. Волгоград: Регион-34, 2007. Т. 1.
13. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

14. Никитина А. Ю. Языковая личность Екатерины Второй: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2014.
15. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998.
16. Седов К. Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7.
17. Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и слово: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Наука, 2008.
18. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013.
19. Сиротинина О. Б., Кузнецова Н. И., Дзякович Е. В., Кириллова И. А., Ягубова М. А., Седов К. Ф., Милёхина Т. А., Байкулова А. Н., Захарова Е. П., Шамьенова Г. Р., Богданова В. А., Кочеткова Т. В., Кормилицына М. А., Осина А. В., Куликова Г. С., Ножкина Э. М., Уздинская Е. В., Куприна С. В. Хорошая речь: коллективная монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
20. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006.
21. Тинина З. П. Политическая культура государственно-церковных отношений на Нижней Волге. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008.
22. Тинина З. П. Солдат Великой Отечественной войны Иван Тинин о военных баталиях XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72).
23. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006.
24. «Я век себе по росту подбирал»: к 100-летию со дня рождения просветителя И. Г. Тинина: монография. Волгоград: ГКУ ВО «ЦИМТО»: Изд-во ВолГУ, 2022.

Информация об авторах | Author information

Горбань Оксана Анатольевна¹, д. филол. н., проф.
¹ Волгоградский государственный университет

Gorban Oksana Anatolyevna¹, Dr
¹ Volgograd State University

¹ oa_gorban@volsu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.09.2023; опубликовано online (published online): 27.10.2023.

Ключевые слова (keywords): русский язык; русская языковая личность; уровни языковой личности; мемуары; И. Г. Тинин; Russian language; Russian linguistic personality; levels of linguistic personality; memoirs; I. G. Tinin.